

Сергей Христов

ФАЭТОНЫ

история одной рок-оперы

Сергей Христофоров

Фаэтоны

«Издательские решения»

Христофоров С. М.

Фаэтоны / С. М. Христофоров — «Издательские решения»,

Немного иронический взгляд главного героя на извечное стремление людей к совершенству, которому подвержен и он сам. Легенда о Фаэтоне — это, возможно, не просто мифологическое отражение якобы случившегося когда-то природного катаклизма. Герои повести каждый по-своему стараются сделать это — залезть в божественную колесницу. И достичь чего-то запредельного. Цена разная — отказ от привычного комфорта, от пресловутых перспектив и стабильности... Ценой может быть и сама любовь, и сама жизнь.

© Христофоров С. М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	9
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фаэтоны
История одной рок-оперы
Сергей Михайлович Христофоров

© Сергей Михайлович Христофоров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я, как всегда бедствовал, когда Гималеев вовлек меня в свою очередную аферу. Обещал золотые горы – в случае успеха, конечно. «От тебя *тоже* многое зависит, даже *очень* многое», – так уговаривал он меня. В золотые горы я не верил, и уговаривать меня не стоило: я бы все равно не согласился, если бы идея мне не понравилась. Но идея Гималеева мне показалась интересной. И даже перспективной, мало ли?

На этот раз он решил ставить рок-оперу. Настоящую!

Не скажу, что рок-оперы сегодня, в 83-м, были пискom моды. Уж, почитай, лет десять прошло с выхода «Суперстар»... Да нет, какие десять! Помню, ровно десять лет назад Кулкач показывал мне аккорды арий Магдалины и Иуды. А слова мы сами списывали на слух: «Listen Jesus, I don't like what I see...» и орали в подъезде: «Jesus!!!», компенсируя невозможность петь на уровне мэтров, если не громкостью звука (тут нам тоже было далеко до Янека Гиллана сотоварищи), то хотя бы краснотой лица и надутостью шейных жил. Хотя... Краснота лица шла скорее от портвейна, но девчонкам нравилось, что, впрочем, тоже можно объяснить его, портвейна, парами.

В общем, к десяти годам можно было смело прибавить еще года три, пока слава зарубежных исполнителей докатилась до наших благословенных краев. Это после 73-го рок-оперомания охватила страну. Исходную «Суперстар» перепевали все – от нас в подъезде и на лавочке до серьезных музыкантов. Друг детства прислал из Сибири пленку, где популярный в народе ансамбль «Баргузины» смело и, кстати, качественно исполнял оперу на русском языке. Мы тоже запели на русском:

Все мои заботы и печали

Тонут в кубке крепкого вина...

Жанр принялись осваивать. Что-то там выходило на Западе, названия я слышал, но записей уже – нет. Милее слуху пришлось отечественные шедевры – «Орфей и Эвридика», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», ариэлевский «Емельян Пугачев»...

Подозреваю, что каждый серьезный композитор кинулся сочинять оперы в стиле рок. Да и каждый начинающий. Такого именно и раскопал где-то Гималеев.

В общем-то, спустя пять-десять лет после начального бума, идея была уже не нова, но, как мне показалось, Гималеев решил рыть не вширь, а вглубь.

Начинающим композитором был странный парень, в очках, небольшого роста, помятый какой-то и чуть ли не косноязычный. Но в игре на гитаре он был король. На наш непросвещенный взгляд, конечно. Да и держался со здоровым апломбом, а это признак или больших задатков или большой глупости... Апломб, видимо, и привлекал к нему девчонок (что я успел заметить впоследствии). Но девчонки – они что? Им отличить задатки от глупости так же нелегко, как сено от соломы. Ну, в современных условиях – автомат Калашникова от винтовки Мосина. Тьфу, ну что я говорю, какая винтовка Мосина? Автомат от карабина, как-то так.

Звали паренька Юра, и когда он пел, дикция его сразу улучшалась, и он преображался – из канонического заочника превращался в Джона Леннона (особенно из-за круглых очков).

Короче говоря, парень этот написал рок-оперу. Куски ее он исполнял со своим ансамблем в ДК «Паровоз» на танцах, а именно там в то время подрабатывал Гималеев. Ансамбль был популярен на заводской окраине. Ребята перепевали битлов, квинов, криденсов, писали свои песни, правда, с наивными глупыми словами. В той опере, что он сочинил, весь текст потом пришлось переписывать.

Перебравшись в другой Дворец Культуры, Гималеев каким-то образом договорился о постановке собственного спектакля и соблазнил музыкантов. А им как раз начали перекрывать кислород, как и всем рокерам на просторах страны.

Называлась рок-опера «Фаэтон. Сын Солнца». Тема греческих мифологий, видимо, после «Орфея» казалась неисчерпаемой. Мифическую историю Эллады мы знали лучше, чем историю Руси, чего уж там.

Гималеев...

Это была уже моя третья попытка *поработать* с Гималеевым.

Гималеев, сколько я его знал, все время учился в институте культуры на режиссерском отделении, и плавал где-то в районе 3-го курса. До диплома ему было всегда далеко, что не мешало вовсю заниматься творческой деятельностью. «Идеи» его посещали постоянно. Начал он (на моей памяти) с организации студенческого театра в моем родном универе. К ректору его не допустили, так он развесил объявления в общежитии: «Организуется первый в городе самостоятельный студенческий театр. Прослушивание по четвергам в 21—00 в третьем корпусе общежития №2 (в подвале)».

Ну, как было не клюнуть на такое? А мне тогда все было интересно. Представляете: юный отрок приехал в большой город из захолустья, а поскольку выпивать всерьез я еще не умел, то самое время было вкушать плодов культуры. Я, надо сказать, с детства тянулся к искусству, – врожденное это, да и матушка с отцом давали в руки хорошие книжки. Поэтому сходу записался в кружок начинающих скалолазов и секцию любителей Моцарта (из-за одной дамы). Но это было все не то. Театр? Почему бы не попробовать? Тем более что занятия на экономическом факультете не сулили ничего интересного, а душа просила Творчества. В экономисты-то я подался от безысходности. Надо же было добывать где-то высшее образование. От физики с химией меня в школе трясло, а классическая литература нагнетала скуку. Тянуло меня только к двум занятиям – играть в футбол и рисовать. Но по собственной лени и глупости я бросил эти занятия еще в детстве.

Но это так, к слову.

В университете Гималеев сначала долго сколачивал «труппу». Собирал туда нас, первокурсников, устраивал «прослушивание». Нам он казался мэтром. Насчет «первого в городе студенческого театра» Гималеев, конечно, приврал. Тогда во всех крупных вузах были свои театры. А «Манекен» из Политеха даже гремел по стране, побеждая во всяких конкурсах и смотрах. Впрочем, возможно упор делался на слово «самостоятельный». Ну, то есть, в некотором роде, подпольный. Не мог же он написать «первый в городе свободный театр». Могли и органы заинтересоваться. Но мы-то догадывались, что к чему. И Гималеев, кроме печати высокого профессионализма на челе приобретал в наших глазах еще и ореол инакомыслия.

Не знаю, что уж он тогда собирался ставить... На «репетициях» он сначала заводил получасовую беседу о роли высокого искусства вообще и в нашей жизни, в частности. Потом начинал читку какой-нибудь пьесы, причем, каждый раз новой. Когда мы робко спрашивали, а чего, мол, в прошлый-то раз, не будем ставить? Гималеев отмахивался: «Рано это *нам*». Или «зрители не доросли». Или ложившееся елеем на сердца юных бунтарей: «За это и упечь могут». За что там могли упечь? Помню, к соответствующей категории он отнес вполне невинную пьесу из «Иностранки». Кто-то подал голос: «Так в открытую же печатают!». «Это пока. Забудьте. И дома не храните», – махнул он рукой, – «У меня уже экземпляр того... Изъяли». Я, кстати, точно знал, что зачитанный экземпляр он забыл неделю назад в моей комнате, но промолчал, потому что соседи пустили его на... Ну, в общем, вы поняли.

А уж после читки Гималеев распространялся о своих собственных поисках. То он хотел воплотить классические пьесы в стиле модерн, то современный сюжет поставить в классическом духе. Очень все оригинально, словом. После собраний, более тесным кружком, мы обычно зависали у кого-нибудь в общежитии и гуляли до утра. Там он сообщал доверенным лицам, что собирается поставить что-нибудь из современной американской жизни, но не дадут,

конечно, да и пьеса застряла где-то на таможне. Вот-вот и к нему, мол, придут. Но это уже после второй на рыло, я сам столько непил, и лично этого не слышал.

А с горизонта он скоро пропал, не проведя и одной нормальной репетиции.

Ближе я сошелся с ним уже позже, года через два. Он остепенился, и прожекты его стали проще и даже реальнее, что не мешало ему учиться все на том же третьем курсе. Он теперь подвизался в каких-то Домах Культуры – руководил драмкружками или сам играл в народных театрах, не знаю, а в свободное время все сколачивал свою «труппу». Но в тисках традиционного театра ему было тесно. В тот раз он вдруг решил организовать художественно-музыкально-литературный вернисаж. Естественно, с уклоном в модерн с обычной для него классической приправой. Воистину, стиль Гималеева, вернее даже, «дух Гималеева».

Проще говоря, это должна была быть выставка картин, где рядом с экспонатами читали бы свои стихи поэты, а все это сопровождала бы незаурядная музыка самодельных авторов.

Он изыскивал поэтов, музыкантов, ну и художников. Все было, как всегда, невысокого пошиба, раз он вспомнил даже обо мне. Когда-то я показывал ему свои «картинки» – те, что я рисовал еще в школе и на чем впоследствии помешался. «Картинки» – так я называл свои опыты в фантастической живописи, можно даже сказать – сюрреалистической, хотя сам я этому термину сопротивлялся.

Он отыскал меня, с радостью узнал, что рисовать я не бросил, отобрал кучу работ для Вернисажа. Сразу я ему их не отдал и правильно сделал. Как потом оказалось, выставка не состоялась. Те два листа гуаши, которые я все-таки ему уступил, он совершенно бесстыдно «утерял», а, скорее всего, подарил своим девицам. Насчет девиц у него тоже были свои заскоки, впрочем, сейчас не об этом. Официальной версией было, конечно, «изъяли все до последнего клочка, даже репродукции из „Огонька“... Ты уж лучше и не рассказывай никому, что давал мне что-то. Вычислят, о тебе забочусь. А ты еще нарисуешь, даже лучше!»

Потом мы часто пересекались в городе, даже выпивали. Я успел закончить университет, отслужить в армии, устроиться на работу, всерьез заняться живописью, а он все так и доучивался в «кульке» (на третьем курсе, а, может, уже и на втором), подрабатывая в школьных драмкружках и на детских утренниках. Творческая личность.

И вот, спустя еще шесть лет – «Фаэтон – сын Солнца». Точнее, в Гималеевском варианте – «Фаэтон. Сын Солнца. Музыкальное рок-представление». Странно, но я снова согласился поучаствовать. Во-первых, он и вправду поставил уже пару своих спектаклей где-то в ПТУ или школе для не особо одаренных детей. Про его спектакли даже *ходили слухи*. Во-вторых, меня увлекла идея поработать над декорациями – как художнику, коим я уже начинал себя мнить. Мечталось уже выйти к какому-то зрителю.

Короче, мы ударили по рукам. И по пиву.

1

Я вдоволь насмотрелся на гималеевских артистов, захотелось спать. День был трудным, и вот уже под вечер пришлось идти *знакомиться со спектаклем*. Репетировал Гималеев, естественно, по ночам. Мне казалось, особой необходимости в этом не было, просто к вечеру он успевал проспаться. Как выяснилось, впрочем, причина была немного другой.

Как назло (а глаза слипались), теперь они отрабатывали какой-то лирический кусок – медленный танец под тихую органную музыку. Красивые девочки в туниках плавно кружили по сцене. Я с трудом удерживал глаза открытыми, прогоняя дремоту. Еще бы – такие девчонки!

С другой стороны, задремать было бы полезно: это считается одним из способов вызвать ассоциации. Музыка была приятной. «Интересно, Юра сам сочинил, или что-нибудь из Генделя?» – думал я.

В мозгу начали плавать даже некие образы. «Не гони лошадей», – говорил мне Гималеев, – «Работать будем долго. («И бесплатно», – мысленно поддакивал я). Поэтому первое время посиди на репетициях, помедитируй. Возможно, возникнет Идея... Что-нибудь эдакое... Не старайся сразу начинать, потом не вытравишь свое первое впечатление... Подумаем, обсудим...»... «Выпьем, пока есть» – продолжал я, тоже мысленно.

...Ото сна меня разбудило легкое прикосновение. На сцене шло уже какое-то другое действие, а рядом сидела – вот наваждение! – девушка в греческой тунике. Это она тронула меня за руку. Я не сразу вернулся в реальность и глупо уставился на нее:

– Откуда такое чудное создание? – я украдкой взглянул на часы. Шел одиннадцатый час. Пожалуй, дремал я минут пятнадцать!

– С Олимпа, откуда же еще! – мило улыбнулась девушка. – А ты уже забыл, где находишься?

Мрачно улыбнувшись, я вульгарно протер глаза и протянул:

– Мда... Жаль, что ты оказалась не богиней.

– Ну, почему же, как знать? Извини, я не сообразила, что ты спал. Думала, просто слушаешь с закрытыми глазами. Неинтересно?

– Да, нет, ничего... – вырвалось у меня, но я сразу поправился, – Ваш танец был чудесен! Это ты там... тоже?

– Я? Тоже... – хихикнула Гелиада. – Где?

– Ну, в смысле... – смешался я. – Нет, мне, честное слово, понравилось!

– А я бы не смогла заснуть сидя. Даже голову не наклонил! Где ты так научился?

– В армии, – коротко ответил я.

– Понятно, – сказала она и замолчала. Тут и, правда, сказать было больше нечего. В армии, где же еще?

Я хотел развить благодатную тему – о ночных грузовиках, в которых приходилось трястись с автоматом в руках (об этом я знал по газете «Красная Звезда»). О душной караулке, где сживал часами, бодрствуя свою смену... (хотя я там спал, как сурок). О ночной чистке картофеля в наряде (ну, нафиг, никакого героизма...) Даже хотел еще упомянуть о ночных бдениях у детской кровати своей дочери, но осекся. Есть у меня дурная привычка – каждой девчонке сразу докладывать о своем семейном положении.

Вот нахрена ей все это?

Нет, я не развил тему и тупо молчал.

Мы делали вид, что внимательно следим за действием, разворачивающимся на подмостках. А точнее за действиями Гималеева, что-то втолковывающего артистам. Хотелось продолжить разговор, но в голову ничего не лезло. Как обычно...

Ошалевший Гималеев бегал по сцене, выплескивая свою бурную энергию. Он был весьма похож на режиссера, какими я их себе представлял. Я хотел сказать об этом ей, но тоже передумал. Кто знает, как *она* себе их представляет? Может, она артистка со стажем и видывала этих режиссеров пачками? Черт, вот так окажешься рядом с девушкой своей мечты, и двух слов связать не можешь...

– Ну, вот чего ты стоишь с лицом истукана? – внушал Гималеев задумчивому юноше, исполняющему роль «опахальщика», то есть слуге, обмахивающего веером какого-то царя, сидящего на троне (либретто я пока не читал, а миф о Фаэтоне знал из нетрезвого просмотра отечественного мультфильма).

– А че надо делать? – удивлялся юноша. – Стою и махаю.

– «Махаю!»! «Машу», блин! Или как? – Гималеев посмотрел по сторонам. Артисты согласно закивали, – Что значит, просто машу и все? Ты представь себя на месте этого слуги. Раба! Он ненавидит своего хозяина, ему жарко, тошно. Но он вынужден скрывать свои чувства, свои невзгоды. Хрен его знает: дашь повод, и выгонят тебя из слуг, пойдешь двор мести или, там, на плантацию. А на плантациях, сам знаешь...

– Откуда я знаю?

– На картошку ездил?

– А че? Там нормально. Я грузил, делов-то, а вечером танцы, портвешок, нормально!

– Ладно, я потом тебе расскажу, как я ездил. В Ташкент на уборку хлопка.

– Так че делать-то?

– А... Ну ты должен скрывать все свои чувства – ненависти, злобы, отчаяния...

– Да?

– Да! Может, им сразу голову отрубали! Поэтому стой и не показывай, как тебе хреново.

– Так я и не показываю.

– А ты, как столб стоишь бессловесный. Да чего тебе объяснять! Смотри! Вживаться надо в роль!

Он выхватил из рук актера журнал, по-видимому, изображавший опахало, принялся им размахивать, словно отгоняя мух, и скорчил при этом такую странную и дурацкую физиономию, что вся труппа непроизвольно заржала.

– Ну, вот, совсем другое дело! – обрадовано проговорил Гималеев, радуясь эффекту и тупо улыбаясь.

Мы с девушкой-богиней тоже прыснули от смеха и переглянулись.

Она вытянула свои изящные руки и положила на спинку стоящего впереди кресла. Я повернулся к ней, найдя Тему.

– Устала?

– От чего? Мы сегодня только «смотрелись», не танцевали толком. А ты – правда, наш художник?

– Типа этого, – застеснялся я.

– Ну и как тебе?

– Проспал.

Она хихикнула.

– Слушай, объясни мне, – обратился я к ней, – Почему вас отсюда не гонят? Кто разрешил?

– А зачем? Мы же хорошие...

– Я серьезно... Ночь, сомнительные репетиции. Самодеятельностью люди обычно днем занимаются. Это подполье какое-то! Есть же тут вахтеры?

– Так он и есть вахтер.

– Кто?! – я искренне удивился.

– Гималеев. Сторожем работает.

– Ничего себе... А узнают?

– Нет, ну, он сторожем на полставки. Так-то в ДК числится руководителем драмкружка. С детишками чего-то... я не в курсе. Ну, и официально ему разрешили сцену занимать в свободное время, после восьми уже зал свободен. Даже, вроде, спектакль ставить разрешили, а об остальном никто и не догадывается.

– И во сколько же все здесь заканчивается? Я имею в виду репетиции. То-то он мне шептал: не беспокойся, мол, делам твоим не помешает. Если они, дескать, у тебя есть. Ну, понятно, какие у меня дела? Тем более, ночью?!

– Ага... И многих этим заманил... Приходи, говорит, учебе точно не помешает. *И другим делам.* Особенно ночью!

Мы рассмеялись тем нервическим смехом, что образуется при волнующем первом знакомстве между мужчиной и женщиной, смехе из-за всякой ерунды.

– А ты... – хотел я спросить.

– Меня, кстати, Лена зовут, – улыбнулась она.

– Сергей, – кивнул я. – Ты, если не секрет, я так понял, в роли... девушки какой-то?... (Что я несу?)

– Верно ты подметил, девушки... – снова засмеялась она.

– Польщен, – поперхнулся я. – Ну... Роль-то главная?

– Главнее не бывает!

– Вопросов больше не имею! – поднял я руки, сдаваясь. – Репетиция до утра?

– Это кому как нравится. Некоторые уже уехали, а некоторые в инструменталке продолжают. Нашем ночном «буфете».

– Как это?

– А мы всегда окончание репетиции празднуем. Но бутылки он аккуратно сдает.

– Дома вас не теряют?

– Привыкли. Мы уже взрослые. Да и время-то детское!

– А как Гималеев? Сильно напрягает? Знаю за ним такую склонность. Помнится, участвовал с ним в создании его первого театра.

– А, это в школе?

– Нет, у нас в институте.

– А ты где учишься?

– Вы мне льстите. Закончил. МГИМО, – не задумываясь, с серьезным видом ответил я и добился своего: в глазах ее мелькнула искорка *особенного* интереса, но тут же она поняла мой «тонкий» юмор:

– Ну, не знаю кого как, а Гималеева в МГИМО на порог бы не пустили. Тем более театр организовывать...

«А меня?» – хотел спросить я, но не спросил.

– Так, когда вы начинаете свои походы в «инструменталку»? – поинтересовался я.

– Да, прямо сейчас и начинаем. Собственно, для чего я и пришла – чтобы вас, как почетного гостя пригласить к нам. Туда... Приведите нам, говорят, этого Художника! Я и вызвалась.

– «Приведите, приведите меня к нему!» – ответил я вольной цитатой из Есенина.

– «Я хочу видеть этого человека!» – подхватила эрудированная Лена.

Она вдруг так посмотрела на меня, что в груди моей что-то зацарапалось.

Мы встали и направились к выходу из зрительного зала. Она грациозно шла впереди; складки туники колыхались на расстоянии моей вытянутой руки, а я сглатывал комок в горле. Захотелось просто уйти с ней куда-нибудь, не заходя к ним в «буфет». Почему-то казалось, что это так доступно.

Гималеев еще стоял на сцене с тремя или четырьмя актерами. Он заметил, как мы движемся к выходу, и помахал мне:

– Сейчас, я тоже зайду. Обсудим. Леночка, ты, пожалуйста, не дай потеряться человеку. Значит, «Леночка»... Лена, Елена, Элен...

Мы вышли из зала, и она повела меня какими-то темными коридорами, где горели лишь тусклые лампочки аварийного освещения. Как бы ноги не поломать... Ладно еще, туда доберемся, а как обратно – после «буфета»?

Наконец, мы подошли к комнате, из-за двери которой слышался многоголосый шум и звуки музыки. Я уже внутренне съёжился, представляя, как тонкая полоска света под дверью превратится в яркий сноп, голоса и музыка резко усилятся (или прекратятся вовсе), и обрвется тонкая нить нашей уединенности с Гелиадой-Леной...

2

Я только что вернулся с этюдов и теперь грелся у печки. Сегодня было холодно. Постоянно приходилось греть руки и краски. Вдобавок к полудню поднялся ветер со снегом (называется, весна пришла!), и пришлось сворачиваться. Да, я и рад был этому. Этюды все равно выходили какие-то вялые. А баночка с углями, что я использовал для обогрева рук и красок, только коптила и воняла, а дым так и норовил попасть в глаза. Мучение, а не этюды. Рано я выполз «на пленэр».

В общем, я с удовольствием вернулся в свою зимнюю мастерскую. На самом деле это был обычный дачный домик недалеко от города. Мои хорошие знакомые отдавали мне на зиму ключи, и я, оборудовав там что-то типа мастерской, с упоением работал. Печка, или как ласково называли ее хозяева, камин, достаточно прогревала большую светлую комнату, а главное – здесь были тишина и уединение, и спокойствие. Я включал негромко магнитофон и писал натюрморты или просто думал. На службе в городе я теперь показывался через день, так что два-три дня в неделю проводил здесь. Иногда, если было не очень холодно, отправлялся на этюды.

А мог бы сейчас сидеть в тепле, где-нибудь в плановом отделе Бульдозерного завода. Хотя, какой из меня экономист...

Стать экономистом, отдать обучению этой достойной профессии целых пять лет своей жизни – это была, конечно, моя большая ошибка. А что я понимал в семнадцать лет? Родители гнали в большой город – давай, учись, высшее образование, место в жизни... Завод, заусенцы, пьяные друзья, раннее облысение, армия или чего похуже – зачем тебе это, сынок? Уж мы-то знаем. С высшим-то образованием не будешь болты крутить и грыжу зарабатывать, а то и чего похуже, на нашем-то химкомбинате. Езжай, сынок, мы чем сможем, поможем, не зря же столько лет...

Да я и сам не хотел в армию или куда похуже. Уж кому-кому, а мне не нужно было рассказывать о прелестях жизни в нашем городке на двести тысяч населения, из которого сто тысяч в шесть утра с заводским гудком растекалась по оборонным предприятиям и их придамкам, а остальные сто тысяч пытались отоспаться после ночной смены. Не считая стариков, младенцев и беременных женщин. Детские садики, школы и филиал Монтажного техникума я тоже относил к оборонным предприятиям.

Но, увы, увы... Сколько судеб осложнила мечта родителей о высшем образовании для своих детей... Их-то тяга к образованию была понятна. Мои родители и школу-то толком не закончили. Отец учился в войну, после семилетки пришлось податься в ремесленное, чтоб быстрее встать к станку и кормить большую семью, оставшуюся без погибшего на фронте деда. Мама уже в шестнадцать лет санитаркой по больницам... И ведь продолжали учиться! Вечерняя школа, техникум (отец даже как-то хитро подделал документы, чтоб поступить туда даже с неоконченным средним), а мама заочно выучилась на фельдшера и работала теперь медсестрой в богатой поликлинике нашего «градообразующего гиганта». Им-то высшее образование открывало перспективы – но, увы, поздно, поздно уже было учиться. Появился я, моя сестра... да и вообще...

А для нашего относительно благополучного поколения учеба была чем-то малопривлекательным и превращалась в обязательку, мало сопряженную с настоящей жизнью – тут уж у кого какие интересы. По-моему только избранным приходит в голову: «Все, чему ты научишься в детстве, будет кормить тебя всю жизнь!» Само приходит, а не через уговоры родителей, учителей и телевизора.

Вообще, если с детства над головой не каплет, это как-то расхолаживает. А тут еще эта бацилла творчества...

Нет, я слишком строг к системе нашего высшего образования. Думаю, большинству получивших его по большому счету было безразлично, чем заниматься. Ну, какая разница, врач ты или инженер, или там учитель. Нет, призвание, оно, конечно, и все такое. Но, я уверен, призвания у большинства населяющих нашу землю обитателей нет вовсе никакого. Главное – заработать где-то средства на пропитание, а уж полноту жизни ощущать после работы – на садовом поприще, в путешествиях по диким степям Забайкалья, а то и попросту – в пивной по улице Островского. Какая разница, историк ты или разработчик станков с числовым управлением – главное по молодости охватить наиболее широкий спектр женских сердец, побывать в Крыму и полетать на дельтаплане, а в зрелости – вступить в жилищный кооператив, сделать карьеру и иметь средства на содержание любовницы.

Ну, это мое частное мнение.

Меня же лично (на мою беду) такая житуха не устраивала. Поэтому я с радостью узнал, что после армии (куда меня все-таки загребли, ибо родной универ не имел военной кафедры) мне уже не надо ехать по распределению в Туруханский край, чтоб ударно рассчитывать фонды капиталовложений на очередной комсомольской стройке века. Оставался, конечно, серьезный вопрос – чем кормить образованную мною совместно с женой ячейку общества, куда уже входил и дочь Ксюшенька. Я потыкался, помыкался. Зарплата экономиста на промышленных гигантах изумляла своей демократичностью и размерами – прожить на это втроем не представлялось возможным. Идти на завод токарем? Зачем псу под хвост выбросил пять лет? А тут еще эта бацилла творчества...

Еще на последних курсах университета я всерьез принялся рисовать. Тянуло меня к сюрру – Дали, Босх, дадаисты, – все это будоражило воображение. В армии художнические мои способности заметили. Начал я с оформления боевых листов, с портрета Жукова для командира роты, зарисовками в дембельских альбомах, а закончил должностью полкового художника при клубе. Таскать автомат тоже приходилось наравне со всеми – причислили меня к автороте. Ходил в караулы, бегал, прыгал, сдавал нормативы – но в основном занимался высоким искусством политического воспитания.

Не знаю, скорее всего, после армии я бы впрягся в эту лямку вытягивания из трясины безденежья своей ячейки общества, да так уж случилось, что ячейка эта распалась.

Короче, этой осенью я твердо решил поступать на художественно-графическое отделение пединститута. Подучусь, а там посмотрим, чего я стою. А потом – или в Питер махнуть, в академию, или плюнуть на все.

Моральным моим обязательством осталось сохранить для ребенка более-менее достойные алименты, хотя бы из расчета четверти от зарплаты плановика, то есть рублей тридцати в месяц. И с легкой душой я ушел в свободное плавание – уж тридцать-то рублей я ему дам, хоть бы и сам буду голодать.

...Жаль, летом приходилось оставлять насиженное место – мою мастерскую – но летом вся природа была мастерской, и летом я полностью отдавался пленэру, а натюрморты и своими «картинками» вполне мог заниматься и дома – в общежитской комнатухе.

Единственно, от чего я страдал здесь, на даче, но и к чему стремился – одиночество, отрыв от внешнего мира. Ни радио, ни телевизора. Но иначе было нельзя: я и так слишком много времени потерял. Я твердо верил: чтобы добиться чего-то, нужно было сконцентрироваться, уйти от всех соблазнов. Надо ж было что-то успеть в этой жизни, что-то сделать.

Тем более что половину времени я все равно проводил в городе. Сомневаюсь, что выси-дел бы тут, на природе, хотя бы неделю кряду.

Я с удовольствием закурил и вытянул ноги в любимом раздолбанном кресле, разглядывая панно на противоположной стене. Оно называлось «Радость». Мое творение где-то двух-

летней давности – сразу после дембеля. На нем были изображены голые купальщицы с летающими вокруг них пузатыми ангелами, поливающими купальщиц из пузатых бочонков. Теперь-то вижу, что халтура, и огрехи вижу, но относиться к своим творениям по гамбургскому счету я не мог. Что-то было в этой картине, но я почти сразу, как закончил ее, стал испытывать неловкость при ее разглядывании. Впрочем, хозяева, как и их многочисленные (особенно подвыпившие) гости, были довольны, хвастались окрестным бабушкам, а те плевались: тьфу, срамота!

Был, правда, один человек, мой хороший друг... Только глянув он засомневался: «Что-то как-то... Прости, но такое впечатление, что ты исписался...» Нет, тогда я внутренне не был с ним согласен, но потом... Потом стал испытывать неловкость. И, кстати, начал смотреть по-другому на все, что делаю.

Впрочем, я привык к «фреске», как к чему-то неизбежному. Кресло стояло как раз напротив, и, отдыхая у «камина», я, так или иначе, рассматривал дело рук своих, точнее блуждал по ней взглядом. Ладно, не хуже, чем на стене в каком-нибудь сельском клубе. Там хоть и профессионалы рисовали (если), но у здесь зато душой!

А вообще, у меня мечта была – расписывать сельские клубы. Знакомые художники говорили – за лето столько накалымишь, что потом можно спокойно писать свои нетленки, это даже если каждый день выпивать. Но у них был опыт, была школа, было мастерство, которое, как известно, не пропьешь. Вот выучусь...

«Но чем теперь-то заняться?» – подумал я, посмотрев на часы. Уже почти три! Вот же ж! С утра ничего толком не сделал, а теперь обедать пора... Это было самое досадное в моей дачной жизни. Поесть-то я еще как-нибудь мог в лихорадке работы, но готовить... Приходилось пересиливать себя, бросать раскошегаренную работу, ибо даже неделя полуголодного существования с пирожково-кефирными обедами выбивала меня из колеи: я смотреть не мог ни на холсты, ни на краски и кисти. А уж тем паче на какую-нибудь колбасу с луком, которые страсть любил устанавливать для натюрмортов.

«Суп в пакетах, консервы – все есть. За полчаса сварю», – думал я сейчас, – «Поем, потом придется приниматься за «Фазтона»...

Вот с «Фазтоном» работа не шла.

Меня на самом деле заинтересовало участие в гималеевском прожекте. Дело, конечно, не в каком-то престиже. Какой уж там престиж: самое известное, что сделал Гималеев, если судить по официальным источникам – это «Три поросенка, делящие шкуру неубитого медведя». Нет-нет, так не называлась его постановка. Так назывался фельетон в местной комсомольской газете, и касался он спектакля по традиционным «Трем поросенкам» в студии детского творчества при школе номер 33. Фамилия автора-постановщика осталась за кадром, и все критические стрелы были посланы в директора школы, допустившей такое безобразие. Гималеев долго ходил героем и показывал всем знакомым записку в восемнадцать строк, пока кто-то ее не выкрал (по его словам), хотя могли и конфисковать вместе с Солженицыным и Абрамом Терцем. А возможно, пошла по стопам той «Иностранки». С туалетной бумагой в стране тоже была напряженка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.